

Евгений Водолазкин Последнее дело майора Чистова

*Новый
роман*

Лауреат премий
БОЛЬШАЯ
КНИГА,
ЯСНАЯ
ПОЛЯНА

ЦЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУВИНОВА

Евгений Германович Водолазкин

Последнее дело майора Чистова

Серия «Новая русская классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73930182

*Евгений Водолазкин. Последнее дело майора Чистова: АСТ; Москва;
2026*

ISBN 978-5-17-185047-0

Аннотация

Евгений Водолазкин – автор шести романов, среди которых – «Лавр», «Авиатор», «Чагин». Лауреат премий «Большая книга» и «Ясная Поляна», а также ряда международных премий.

Книги Водолазкина – это всегда «в поисках жанра». Условности жанра соблюдены, но текст артистично сопротивляется – неисторический роман «Лавр», ненаучная фантастика «Авиатор».

Сюжет нового романа Водолазкина построен как детектив и разворачивается в современном Петербурге. Убивают ученого, исследовавшего искусственный интеллект. Расследует убийство майор Чистов, а помогает ему лейтенант, чья слабость – литература. Майор – своеобразный философ, который в ходе расследования задается вопросами: «Почему ищут труп убитого

человека, но не ищут его душу? В чем разница между одушевленным и неодушевленным, то есть живым и неживым, и можем ли мы преодолеть эту границу?». Верный своему долгу майор доводит следствие до конца, а лейтенант самым литературным образом доводит эту историю до читателя.

Содержание

Часть первая

6

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Евгений Водолазкин

Последнее дело майора Чистова

© Водолазкин Е. Г.

© ООО «Издательство АСТ»

Моим друзьям

Часть первая

На Бармалеевой

Если быть предельно точным, то всё началось в конце мая, когда майор Чистов занимался лечением зубов. Ему нравилось лечить зубы в мае. Занятие само по себе, конечно, малоприятное, но на фоне пробуждающейся природы – а в Петербурге она в мае только пробуждается – делать это как-то легче.

Вылечив больные зубы, вместе со счетом за лечение майор получил их рентгенограмму. Изображение было контрастным, четким, но несколько необычным. Картинка представляла не только челюсти, но и в целом череп майора. Надо думать, что машина, делавшая снимок, старалась смотреть на вещи широко.

Первым желанием Чистова было бросить свой череп в корзину, но в последний момент ему стало жаль выбрасывать такой артефакт. Майор взял снимок на службу и повесил его над столом. Отвечая на вопрос, чей это череп, он становился рядом с изображением и отвечал вопросом на вопрос: «Разве не похож?». Чтобы сделать ему приятное, собеседники цокали языком – мол, да, конечно, похож. Мол, как они сразу не заметили портретного сходства? Те же черты, то же задумчивое выражение и та же грустинка в... Нет, не

в глазах, потому что глаз – не было. Просто – грустинка.

Такое подробное объяснение даю только потому, что мой литературный наставник Филипп Семенович Прохлада – человек старой школы, любит портреты и пейзажи. Ну вот, можно считать, что портрет майора, пусть краткий и предварительный, я дал. Я сказал Филиппу Семеновичу, что есть у меня и план описания пейзажа: он будет помещен чуть позже, когда речь пойдет о Серафимовском кладбище.

Прохлада поворчал немного (и портрет, и пейзаж показались ему мрачноватыми), но в целом остался доволен. И вот что примечательно: с тех пор, как майор повесил рентгенограмму над столом, он приобрел свойство снимавшей его машины и время от времени видел окружающих в облике скелетов, не говоря уже об умерших, которые являлись ему чаще всего именно в таком виде. И еще. У майора появилась странная привычка: задумавшись, он ощупывал свой череп. Сантиметр за сантиметром исследовал кости глазниц, ушных отверстий и скул. Это помогало ему сосредоточиться.

Вот так простая рентгенограмма черепа способна изменить человека, сделать его глубже, сосредоточенней. Какое-то необычное умонастроение отмечалось у Чистова с детства, но в полной мере интерес к метафизике проявился у него в эти майские дни. Здесь можно вспомнить его прогулки по кладбищам, во время которых он, по его словам, скорбел о превращении живых людей в мертвых и, напротив, радовался грядущему превращению мертвых в живых.

Он размышлял о том, что граница между теми и другими пролегает именно здесь, и что пока она проходима лишь в одну сторону. Вместе с тем, для вечности не существует *пока*, так что положение может измениться в любой момент. Наконец, он стал думать о душе, чью рентгенограмму он, увы, не мог повесить в кабинете. Она, как известно, нематериальна.

Вскоре в Петербурге прогремело так называемое «Дело близнецов». Речь шла о гибели известного нейрофизиолога, занимавшегося проблемами искусственного интеллекта (ИИ). Большой общественный интерес к делу объяснялся просто: в круг подозреваемых впервые в истории попал робот. Звали его Иван Иванович, что также соотносилось с двумя волшебными буквами «И».

Автор этих строк, Егор Ведерников, был тогда молодым лейтенантом и ведущей роли в расследовании не играл. Он и сейчас молод, но уже не лейтенант. Если позволите – старший лейтенант. Говорю это не хвастовства ради, а фактической точности для. Лейтенант выезжал на задержания и выполнял самые разные поручения майора Чистова, руководившего следствием.

Думаю, всем, кто знал майора, было известно, что сотрудничество с ним – занятие не из простых. Взяв дело в свои руки, никаких других рук он уже не допускал. Очень, добавлю в скобках, был самостоятельный майор. Оттого, нужно думать, так и остался майором.

Итак, занятием молодого лейтенанта (меня, если что) бы-

ла расшифровка диктофонных записей допросов, ну и вообще работа с бумагами, которой майор Чистов, прямо скажем, гнушался. В то время как ваш покорный слуга эту работу любил.

И будет любить.

И этого не стесняется.

Он является автором не только этих строк: им написаны многие официальные тексты нашего коллектива, не говоря уже о поздравлениях и капустниках. И, верите ли, всюду – включая протоколы допросов – молодой сотрудник (речь опять-таки обо мне) находил возможность как-то украсить текст. Может быть, даже раскрасить, сделать его из черно-белого цветным. Несколько менее сухим, понимаете?

Язык протоколов – не побоюсь этого слова – безлик. Можно даже подумать, что один и тот же следователь всякий раз допрашивает одного и того же подозреваемого. Смелее, ребята, не устаю говорить я своим коллегам. Грамотно ведущий протокол идет по тропе Шекспира, Островского, Чехова. Да того же Ионеско – почему нет...

Кто же, как не я, мог взяться за книгу об этом удивительном деле? Обстоятельства его столь непросты, что уже одно это выводит его за все и всяческие рамки. Ведь обычные наши расследования мало напоминают Холмса-Пуаро-Мегрэ с их тонким психологизмом. Причинно-следственные связи у нас весьма скудны и в основном охватываются выражениями вроде «в результате распития спиртных напитков», «на поч-

ве неприязненных отношений» или даже отдельными словами – такими, скажем, как «ножевое», «огнестрел» и т. п.

В деле же о близнецах эти связи настолько сложны, что в сравнении с ними схема полетов «Аэрофлота» может показаться детским рисунком. Эта цветущая сложность, словно магнитом, притягивала новые связи, и всё это сплеталось в тугой узел, который нам и предстояло развязать. Подчеркиваю: не разрубить – развязать.

При этом время не стояло на месте: старые сведения перекрывались новыми, а новые, как водится, – старыми. Реальность шла рука об руку с мифом, то и дело высвечивались незнакомые населенные пункты и лица. В газетных репортажах возник и исчез город Торжок, потом приезжал человек из *лиги стеклодувов*, располагающий якобы важной для следствия информацией. Был в смокинге, при бабочке и держался, ну, прямо как Гусь-Хрустальный. Появление стеклодува оказалось чистым надувательством: никакой информации у него не было, просто он любил общаться с полицией. Иными словами, масса вещей и событий крутилась вокруг следствия, как космический мусор вокруг космического же корабля. Разве это само по себе не повод написать книгу, которая отделила бы зёрна от плевел, и покончить наконец с пространственно-временной неразберихой?

Мой ответ: да, повод.

В сущности, не такая уж это сложная задача – написать книгу. Событийную часть время от времени разбавляешь,

скажем, портретом либо пейзажем, имя и фамилию героя последовательно чередуешь с местоимениями – ничего сложного. Можно еще изредка пошутить – но только слегка, без фанатизма. Просто чтобы освежить восприятие.

Как уже отмечалось, в области литературы автор этих строк является учеником Филиппа Семеновича Прохлады, полковника в отставке, автора романа «Негромкий выстрел» и нашего пресс-секретаря на покое. Все, кто с ним знаком, понимают, что покой Филиппу Семеновичу только снится: подразделения самых разных силовых структур стремятся послать к нему перспективную в смысле отечественной словесности молодежь. Все мы в разное время слышали его обнадеживающие слова, а порой, напротив, и не очень обнадеживающие. Если называть вещи своими именами, то – форменную критику.

Так, мне в свое время было указано на то, что писать официальные тексты от первого лица считается нескромным. По крайней мере, в единственном числе, потому что *я*, по поговорке, – последняя буква алфавита. Я, помнится, густо покраснел – по крайней мере, мне так показалось. Это прозвучало как негромкий выстрел. И хотя я усвоил, что в первом лице нужно писать не *я*, а *мы*, универсальным это правило не считаю. В отделе местоимений Лингвистического института мне вообще сказали, что такое представление архиархаично.

Когда я сказал об этом Прохладе, он, подумав, ответил, что лучше всего вообще обходиться без местоимений. Напи-

сать: *автор этих строк* или *ваши покорный слуга*. Как это уже и было сделано выше. Не забудем также, что рассматриваемые материалы проходили через его, покорного слуги, руки, а в минуты откровенности ему кое-что рассказывал неоткрытый обычно Чистов.

Говорят, что в нашем случае секрет успеха имеет более сложную природу, что не последнюю роль сыграл и талант пишущего... Не знаю, такой ли уж это талант, но людям, как говорится, виднее. Некоторые, имея в виду Прохладу и меня, говорят, что, возможно, ученик превзошел учителя. Автор (этих, разумеется, строк) говорит об этом единственно для того, чтобы объяснить, почему именно он решил рассказать об упомянутом резонансном деле.

Вообще говоря, большинство резонансных дел происходит именно в нашем городе. Гордиться здесь особенно нечем, но, согласитесь, факт сам по себе – примечательный. Очевидно, все, включая преступный элемент, предпочитают действовать в красивых местах или, проще сказать, *локациях*. Взять того же доцента Соколова, застрелившего и расчленившего свою студентку. Только представьте на минуточку: ночь, ледяная рябь канала... Кстати, вспомнилась в этой связи шутка. В Москве две женщины не поделили мужа. А в Петербурге – поделили...

Но – к делу. На Петроградской стороне застрелили человека. На Бармалеевой улице. Услышав это, многие из петербуржцев сочли случившееся закономерным: если убийство,

то, пожалуй что, на Бармалеевой. Уж такая это улица. Независимо от того, был Бармалей реальным лицом или литературным персонажем, репутация его сомнительна. Его имя бросает на эту улицу тень – недаром она в буквальном смысле вся в тени. Выражаясь в современном духе, фигура Бармалея – токсична.

Как только стало известно об убийстве, на Бармалееву улицу выехала машина Межведомственного отряда правоохранителей Санкт-Петербурга (МОПС). Считается, что это созданное недавно спецподразделение расследует наиболее важные дела. Вызов таких профессионалов на Бармалееву объяснялся, я думаю, сочетанием двух вещей: нейрофизиологии и искусственного интеллекта (ИИ).

Машина марки «Лада» двигалась по Петроградской стороне не торопясь, потому что спешить ей, в общем, было некуда. Худшее уже произошло, и срочного вмешательства вроде бы не требовалось. Машина переезжала через *лежащих полицейских*, и в такие моменты майор Чистов с удовлетворением думал о том, что его, ввиду комплекции, так просто никто бы не переехал...

Молодая сотрудница Межведомственного отряда Валерия, которой я иногда читаю написанное вслух, спрашивает меня – как это, мол, я могу знать, что думал майор?

Валерия.

Лера.

Послушай...

Человек, с младых ногтей воспитанный в уважении к субординации, я, тем не менее, убежден, что нет у майора таких мыслей, которых не могло бы быть у лейтенанта. Это во-первых. Во-вторых, есть такое понятие, как художественная условность. Мы условились, что автор знает всё. То есть, условились не мы, условились до нас, еще на заре литературы, но я этому негласному закону следую. И призываю следовать Леру – если она, конечно, хочет дружить с литературой. Или, допустим, с литераторами...

Смеется.

– Ты следовательно, ты и следуй. А я не могу: не верю! – говорит Лера Станиславская. – Мне нужно, чтобы человек описывал только то, что может увидеть.

Славная девочка. Между прочим, тоже лейтенант.

Продолжим описание дороги. Водитель пропускал на переходах тех, кому нужно было перейти через улицу. Как, впрочем, и тех, кому не нужно было, кто обычно переходит просто так, за компанию. Такие пешеходы двигаются очень медленно, словно не уверены в правильности своих действий. Этим приходится сигналить. Оно и понятно: раз уж ты оказался у перехода, изволь, господин хороший, переходить, а не изображать, понимаешь, все и всяческие сомнения.

Не составляет тайны, что полицейская машина в какой-то степени побуждает прохожих ступить на зебру, ведь перебежать улицу перед машиной с мигалкой – это, согласитесь,

большое искушение. Даже если мигание не сопровождается сиреной. Даже если это не гордость немецкого автопрома, а скромное изделие тольяттинских умельцев. Полицейская «Лада» терпеливо пропускала всех желающих перейти.

Справа от водителя сидел единственный пассажир – майор Чистов. Каспар. Такое вот имя, хотя я не слышал, чтобы кто-то называл его по имени. Майор Чистов. Или просто: Чистов. Водитель время от времени косился на майора, но тот не поворачивал головы и сидел с видом впередсмотрящего. Обычно молчал, особенно если ехал от зубного – как сейчас. Был в то же время в бодром настроении, как бывает бодр человек, избавившийся от длительной зубной боли. Пусть и ценой потери зуба – у него их еще полно, зубы – не проблема.

Майор говорил, что испытывает затруднения с двумя вещами на свете: надевать носки и шнурки завязывать. Звонко хлопал себя по животу: вот эта часть организма, понимаешь, мешает. А всё остальное – может. Насчет всего остального он, конечно, преувеличивал, но ведь и говорил это как бы не всерьез. Ну, хорошо: даже если всерьез, то не преувеличение ли прокладывает путь прогрессу? Вспомним, что достижению всегда предшествует мечта. Вспомним также и о том, что слово *майор* в переводе буквально значит *большой*. Это также настраивает на прогрессивный лад.

А с носками и шнурками ему помогали посторонние. Чаще всего – дамы, так или иначе попадавшие в его дом. По-

падавшие и пропадавшие, шутил майор, потому что уходили они обычно, не прощаясь. Если же решали попрощаться, то бросали ему обвинения в непригодности к жизни и утверждали, что вынести его, Чистова, невозможно. В таких случаях он вытягивал обе руки ладонями вверх, как бы изображая вынос Чистова. Как бы сгибаясь под непосильной ношей. Он был очень полным, этот майор. Ну, просто даже тучным – если учитывать созвучие этого слова с тучей.

Когда садился в полицейскую машину, та, словно после удара под дых, издавала короткое *хы!* – и резко просаживалась. Потом тащилась по дороге, едва не касаясь днищем асфальта. Причем с явным перекосом на правую переднюю часть: место майора, как уже сказано, было рядом с водителем.

При этом пристегивать ремень безопасности уже не получалось – элементарно не хватало длины. Так и ехали первые пять минут под бодрое пиликанье, ну, и под его ругань, конечно: майор Чистов стыдил программу контроля. Особенно его раздражала ее невозмутимость – вот это самое *пи-пи-пи* на одном тоне.

Зазвонил мобильник. Подполковник Гушин, начальник майора Чистова, приглашал на ужин.

– У вас, господин подполковник, э-э-э, какое-то событие?

– Да не то чтобы... То есть, свадьба не свадьба, скорее – так, вечеринка.

Приглашение сегодня на сегодня. Чистов тут же довел до

сведения начальника, что на Бармалеевой – труп, и он, увы, едет туда. За словом *увы* скрывалось тихое торжество. Дело, конечно, не в трупе. Просто странное это, если вдуматься, занятие – ужинать с начальником. Да еще неясно, с какой женой. Подавленный оперативной информацией, подполковник пробормотал что-то невнятное и отключился. Чистов вздохнул с облегчением.

Через минуту опять раздался звонок Гущина. Его голос неожиданно рассыпался радостным женским смехом, будто офицер, огорченный отказом, экстренно сменил пол. Подполковник сообщил, что передает трубку жене. Жена, слегка заикаясь, спросила, а знает ли майор Чистов, по какому адресу его ожидает ужин. Майор Чистов этого, естественно, не знал. Как не знал и того, что жена подполковника, оказывается, заика.

Речь шла, как это ни удивительно, об 11-й линии Васильевского острова. И линия, и номер дома совпадали с адресом майора. Он осторожно осведомился, приглашают ли его к самому себе. Нет, ответила трубка, его приглашают не к себе, а именно что к ним. Дальним фоном звучал голос подполковника, подтверждающий приглашение.

Оказалось, что в этом доме Гущин снял квартиру.

– Снял квартиру? – эхом уточнил майор, хотя уточнять здесь, в сущности, было нечего.

Чистов счел необходимым выразить радость, хотя на самом деле сильно расстроился. Дуэт в трубке был уверен, что

вечером порадуются все вместе. Майору было предложено разобраться с его трупками по-быстрому – так, чтобы осталось время вечером посидеть.

– Трупак всего один, – напомнил майор.

– Пока один, – поправил его подполковник; смех в трубке. – А потом могут посыпаться – только принимай... Привет Бармалею!

Чистов знал, что пару недель назад подполковник ушел из семьи: кто-то даже спрашивал, где он, собственно, сейчас живет. Теперь он знал ответ на этот вопрос, и этот ответ его не радовал.

Задумчиво мигая, машина выехала на улицу Красного Курсанта. По улице строем и поодиночке действительно двигались курсанты. Были они в спортивной форме и направлялись – в личное время – участвовать в футбольном первенстве. Курсанты переходили улицу в положенном месте, и полицейская машина их пропускала. Чистов всматривался в лица идущих. Обычные курсанты – не сказать, чтобы чрезмерно красные. Переходят себе улицу повзводно, не пропуская автомобили.

– Непруха, – сказал водитель. – Надо же было с ними столкнуться!

Майор бросил на него быстрый взгляд.

– А вы бы с кем предпочли столкнуться – с Бармалеем?

Возникла неловкая пауза. Почему нет – думал, возможно, водитель. Бармалей как раз таки мог выглядеть вполне им-

позантно. С бабочкой на шее и длинным черным зонтиком в руке. Спешить на свою улицу.

16 июня, 15:30

Машина приближалась к Бармалеевой улице. На ее пути неожиданно оказались еще две футбольные команды. Из качавшихся над головами игроков табличек следовало, что одна представляла Институт доисторических исследований, другая – Лабораторию низкомолекулярных соединений. Первые знали всё о доисторическом периоде истории, вторые – о вещах низкомолекулярных. Обе сферы были в равной степени далеки от повседневности. Надо ли говорить, что и эти команды стремились на спортивную площадку, чтобы участвовать в футбольном соревновании.

Как рассказывал впоследствии Чистов, в какой-то момент картинка в ветровом стекле резко изменилась. Произошло это настолько незаметно, что на саму перемену майор обратил внимание не сразу. По Бармалеевой продолжали идти две команды скелетов. Да, в трусах, да, в футболках, но – скелетов.

Впереди, судя по повязкам на рукаве, двигались капитаны команд. У одного из них в руках был мяч, у другого – кубок, который, очевидно, предполагалось вручить по итогам матча. Майору бросилось в глаза, что мяч выглядел старомодно. Был сшит из продолговатых полосок кожи, а под тугой

его шнуровкой скрывалась резиновая камера. В какой-то момент первый капитан небрежно скинул мяч на ногу и дальше пошел, жонглируя им.

– При жизни он мог набивать мяч до двух тысяч раз, – сказал капитан с кубком. – Двух тысяч! Не опуская на землю.

– Сейчас, конечно, так уж не получится, – пожаловался капитан с мячом. – Теперь дай бог пятьсот раз набить.

– Да ты хотя бы триста набей – тоже мне Пеле нашелся! – отчего-то рассердился капитан с кубком. – Я тогда тебе, блин, сам этот кубок вручу.

Какое-то время два капитана молчали. Раздавался лишь стук набиваемого мяча. Было ясно, что капитан с мячом обдумывает ответ. Поймав мяч рукой, он негромко сказал:

– А ты лучше подумай – только головой: сколько уже в *Зените* сменилось тренеров, а ни один в команду нас не пригласил. – Капитан нарисовал в воздухе вопросительный знак. – Спрашивается: почему? И это при том, что в основном составе у нас – кандидаты и доктора.

Тот, кому предлагалось подумать, приумолк.

– А я тебе отвечу, – не потерялся собеседник. – Просто наша игра кажется им слишком академичной.

Увидев в окне машины майора Чистова, капитан с кубком поднял изделие над головой (от ветра шевелились остатки волос на черепе) и крикнул:

– Кубок профсоюзов, блин! А профсоюзы, как известно, – крылья Советов.

Чистов вяло помахал скелетам и смотрел, как один за другим они скрывались в тесном чреве Петроградской стороны.

Вот она, Бармалеева улица. Узка. Темна. Полностью соответствует своему названию.

Легенда такова. Писатель Корней Чуковский и художник Мстислав Добужинский шли по Бармалеевой улице. Куда шли – непонятно, да не очень-то и важно. Куда, в конце концов, могут идти писатель с художником, находясь на Петроградской стороне? Существенно то, что их внимание привлекло название улицы. Чуковский начал было разворачивать гипотезу о предполагаемом англичанине Бромлее – допустим, аптекаре или цирюльнике, но Добужинский интуитивно понял, что Бармалей мог быть только разбойником. Он раскрыл свой этюдник и несколькими штрихами злодея изобразил.

Специалисты по топонимике не согласны ни с Чуковским, ни с Добужинским, и полагают, что своим названием улица обязана домовладельцу Бармалееву, жившему здесь (и это отражено в документах) в конце XVIII – начале XIX века. В пользу такой версии говорит и то, что параллельные улицы также названы именами домовладельцев, причем тоже не без изящества: Плуталова, Подрезова и Шамшева улицы. Есть там еще Полозова улица: она носит имя владельца питейного заведения.

Названия эти пребывают в такой гармонии, что в 1923 году параллельную Покровскую улицу переименовали в честь

Сергея Ивановича Подковырова, который был не домовладельцем, а совсем даже наоборот – секретарем партийной организации Петроградского трамвайного парка. На каком-то жизненном этапе Сергей Иванович, образно говоря, сменил трамвай на бронепоезд. Когда же Подковырова, человека бурной судьбы, в конце концов где-то подстрелили, возник вопрос об увековечении его памяти. Всякому понятно, что увековечение памяти человека с такой фамилией не могло быть беспроблемным, но здесь помог, что называется, хороший контекст: имя Подковырова просто просилось в этот уголок Петербурга.

То, что увековечиваемый не был домовладельцем, не имело уже никакого значения. Впрочем, домовладельческая версия названия Бармалеевой улицы не отменяет версий Чуковского и Добужинского. Можно быть англичанином, разбойником, владельцем дома и даже питейного заведения одновременно. При благоприятном стечении обстоятельств – еще и секретарем парторганизации. Для нас в данном случае важно, что в результате совместного творчества писателя и художника родилась книга, на которой, можно сказать, воспитывался майор Чистов. Что и говорить, все мы на ней воспитывались.

Выйдя из машины, майор одернул рубашку и велел себе взбодриться. Смутно припоминал, как Гущин, побывав однажды у него в гостях, сказал, что дом его отвечает всем запросам одинокого мужчины. Что в точности имелось в виду,

неясно. Не ахти какая фраза, но произнесена она была задолго до того, как подполковник стал одиноким мужчиной. Спустя пару лет он повторил ее слово в слово. Готовился? Мечтал?

Да, подполковника Гущина в его жизни стало больше. Да, Гущин – не тот, с кем хочется общаться постоянно. Подполковника Гущина, строго говоря, вообще не хочется видеть... Некоторые даже считали его пятном на безупречно белом мундире Межведомственного отряда. В соответствии со своими качествами он должен был поселиться на Бармалеевой улице. Произошел очевидный сбой, и дело теперь так просто не поправишь.

Впрочем, в жизни есть и хорошие стороны, которые нужно ценить. Например, лето. Чистов втянул ноздрями воздух – июнь месяц! Ветер трепал рубашку, на спине проступила влажная полоса. Майор не видел ее, но знал, что она всегда появляется там, где тело соприкасается с сидением. Когда она высохнет, останется соляной след. Толстые сильно потеют – кому это понравится?

А вот некоторые толстяки никого не раздражают. Например, Паваротти. Когда пел, не то что носовой платок держал – махровое полотенце. После одной-двух песен оно становилось мокрым. Он лоб им вытирал и на манер шарфа обматывал вокруг шеи, но какие-нибудь десять минут – и можно снова выжимать. Так ведь это Паваротти – ему попробуй выразить неудовольствие... Где сейчас разлагаются его золотые

связки?

Машина остановилась. Вот он, дом № 15-а. Типичный для начала XX столетия. Его окна отражают Серебряный век – прекрасный, но мимолетный, поскольку серебра хватило ненадолго.

Одна полицейская машина уже стояла у дома – въехав двумя колесами на узкий тротуар. Накренившись. Перед парадным была натянута заградительная лента. За ней уже успела собраться небольшая толпа. Надо понимать, что всё случилось на втором этаже: в открытом окне там курил лейтенант. На первом этаже располагался круглосуточный магазин продуктов, перед ним сидели на корточках два меднолицых человека. Они тоже курили.

Увидев Чистова, лейтенант в окне двумя пальцами выстрелил окурком в сторону урны. Осечка. Описав дугу, окурочек приземлился у ног майора.

– Виноват, господин майор! – донеслось сверху извинение лейтенанта. – Я в урну хотел: до этого получалось.

– Что ж, по крайней мере, намерения у вас были благие, лейтенант.

Нужно ли говорить, что этим лейтенантом был я? Ох, стыдно, но уж – что было, то было... Чистов наступил на окурочек и продолжил следование к месту преступления.

Подойдя к ленте, майор намеревался приподнять ее над головой. Наклониться хотел и пройти под ней. Проплыть, как большой корабль под разведенным мостом. Увы, полное

фиаско: лента беззвучно лопнула. Пришел к финишу первым, долетело до него из толпы. Чистов поднял голову, и комментарии стихли. Скрылся в парадном. Из темноты доносился гул его шагов. На ветру метались обрывки заградительной ленты.

Поднявшись на второй этаж, он увидел настежь распахнутую дверь и часть прихожей. С ручкой двери работал криминалист. В прихожей лежало тело погибшего. Майор уже знал, что это Георгий Максимович Литвин – его опознали родственники. Врач-нейрофизиолог из Сочи, приехавший к брату Григорию, также нейрофизиологу.

Багровым нимбом вокруг головы покойного застыла кровь. Ноги его были подогнуты – так, будто при падении он хотел занять как можно меньше места. Позу нельзя было назвать удобной: убитый лежал на спине, подогнув под себя правую руку. Какой джокер Георгий Максимович хотел вытащить, какое оружие? И кто стоял перед ним?

Вероятно, злейший враг, потому что лицо погибшего искажала дикая гримаса. Это была гримаса не боли и даже не страха – злости. Необоримой свинцовой злости, охватившей нейрофизиолога в последний момент жизни. При взгляде на его лицо именно она бросалась в глаза в первую очередь, и лишь затем деталью на этом страшном портрете проступало аккуратное маленькое отверстие в центре лба. Что удивительно: убитый лежал в куртке – не по погоде. В это трудно поверить, но даже в Петербурге куртка в этот день была

лишней. Пестрая такая куртка с олимпийской символикой и надписью *Сочи*.

Майор приподнял мертвеца за плечи. Рука, на которой тот лежал, была пуста. Опуская тело на пол, Чистов оглянулся на лейтенанта.

– Огнестрел...

– Так точно.

– Когда это случилось?

– Между двенадцатью и тринадцатью часами – так считает врач. самого момента убийства никто не видел.

– Убийства?

– Это очевидно: при самоубийстве был бы найден пистолет.

Откуда-то из глубин квартиры раздалось:

– Он у-мер не-е-сте-ствен-ной смер-тью.

Говорил явно робот. Так, по крайней мере, они говорят в научно-фантастических фильмах – скрипуче и по слогам.

– По-ка ос-нов-ная вер-сия – ог-не-стрел. Кто и за-чем за-стре-лил Ге-ор-ги-я Мак-си-мо-ви-ча, то-же по-ка не-из-вест-но.

Источник этих справедливых слов, между тем, не появлялся.

Взгляд Чистова уперся в человека, сидящего в прихожей на ящике для обуви. Сложившись вдвое. Положив голову на руки. Минуту назад он был всего лишь одним из присутствующих. Стоило неизвестному голову поднять, как он пре-

вратился в того, кто только что считался убитым. Двойник? Близнец? А может – ангел: уж очень похоже сидят они на надгробиях.

– Удивительно, – сказал тихо майор, глядя на сидящего. – Душа – важнейшая составляющая человека, а мы ее, между тем, никогда не видели. Не душа ли, э-э-э, убитого сидит на ящике для обуви?

– Нет, господин майор, – ответил я. – Чтобы это была душа – не представляется возможным, ибо души нематериальны.

Чистов бросил взгляд на пол – убитый продолжал лежать. Чистов посмотрел на ящик для обуви – убитый продолжал сидеть.

– Да, этот – материален, – констатировал, приглядевшись, майор. – А так было бы славно: мертвое тело, а рядом с ним – живая душа. Сидит, понимаешь, горюет... У этого человека очень скорбный вид.

– Брат-близнец, – шепнул Чистову на ухо криминалист. – Один близнец приехал к другому, и такой, как говорится, летальный исход... Зовут близнеца Литвин Григорий Максимович. Который живой.

Из соседней комнаты показался робот. Он двигался короткими рывками и слегка даже вразвалку.

– Этот Самоделкин – вообще хвороба, – всё так же шепотом доложил криминалист. – Не закрывает рта, мне уже полностью мозг вынес. При этом в момент убийства находился

в отключке и никаких свидетельств не предоставляет.

Робот – майору:

– Про-сто ме-ня с ут-ра от-клю-чи-ли. Рад вас при-вет-ство-вать, ма-йор. Я – ИИ, что зна-чит *ис-кус-ствен-ный ин-тел-лект*. Мож-но про-сто – И-ван И-ва-ныч. Ха-ха-ха, на-хо-жу это смеш-ным. Фа-ми-ли-я мо-я Бар-ма-ле-ев. При-сво-ена по ме-сту жи-тель-ства. Мож-но про-сто – Бар-ма-лей. Бу-дем зна-ко-мы, вот вам мо-я ру-ка.

– Четырехпалая? – удивился майор.

– Каждый палец требует отдельной программы, – не ожи-данно вступил в разговор брат Григорий, – в то время как пятый палец не очень-то и нужен. Он, если угодно, как пятое колесо.

Чистов молча кивнул и включил диктофон. Это был пер-вый допрос майора Чистова, на котором я присутствовал. Позднее запись была мной расшифрована и приобщена к де-лу. Полагаю, такого рода документы не будут лишними и в моем скромном повествовании.

Это вопрос не только этический, но и эстетический. С лю-безным читателем мы уже говорили о художественной услов-ности. Мне есть что к этому добавить: искусство устало быть искусственным. Литература стала стыдиться своей литера-турности. Будучи секретарем полицейского Книжного клу-ба, я неоднократно поднимал эту тему на заседаниях. Не бу-ду скрывать: мнения разошлись. Филипп Семенович и Убой-ный отдел были всецело за меня. Мою сторону принял и От-

дел экспертизы, в котором работают два человека по фамилии Петров. Против указанной точки зрения выступил Отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Его сотрудники заявили, что я принижаю роль литературы, в то время как у нее нет поводов стыдиться.

В суть этой полемики я вдаваться не буду – скажу лишь, что нон-фикшн сейчас активно вторгается в сферу фикшн, и грань между ними становится всё более зыбкой. Публикуя по ходу повествования различные документы, мы сведем художественную условность к минимуму. Ну, чтобы некоторые не упрекали меня, как говорится, в расхождении с реальностью. Точка.

Из материалов дела.

Протокол допроса свидетеля

Григория Максимовича Литвина.

(Дело № 2406. Т. 1. С. 12–16)

Квартира Литвиных. Гостиная. На полу персидский (так считают в семье) ковер. На подоконнике цветы.

ЧИСТОВ (*бодро*). Литвин? Григорий Максимович?

ЛИТВИН (*сдержанно*). Да, это я.

ЧИСТОВ. Как вас зовут? Э-э-э... Фамилия, имя, отчество.

ЛИТВИН (*саркастически*). Мы что – в театре абсурда? Вы же всё это только что произнесли...

ЧИСТОВ (*терпеливо*). А нужно, чтобы это

произнесли вы. Мне ведь и самому неловко, что наша беседа начинается... Ну, что ли, сухоовато. Если хотите, я задам свой вопрос иначе...

ЛИТВИН. Не хочу.

ЧИСТОВ. С другой интонацией. С отеческими, например, нотками в голосе. Как вас, *бэтьенька*, по имени-отчеству? Вот лучше даже так: как вас звать-величать-то? В этом больше доверительности.

ЛИТВИН (*махнув рукой*). Ладно, ладно... Пишите: Литвин. Григорий Максимович.

ЧИСТОВ. Григорий Максимович. Литвин... У вас в роду были, э-э-э, литовцы? Или хотя бы жители Польско-литовского княжества?

ЛИТВИН (*пожав плечами*). К сожалению, такой информацией не располагаю.

ЧИСТОВ (*вкрадчиво*). Чем, Григорий Максимович, вызвано ваше сожаление? Вы мечтаете о литовском паспорте?

ЛИТВИН. Нет, не мечтаю.

ЧИСТОВ. А о чем вы мечтаете? О балтийском побережье – той же Юрмале? Море там не сказать, чтобы очень теплое, но на солнце терпимо: можно и на песке поваляться, и в волейбол постучать, а? С литовским-то паспортом...

ЛИТВИН. Юрмала – это Латвия. С вашего позволения.

ЧИСТОВ (*всплеснув руками*). Конфуз. Вот она, имперская-то подкладка – вся наружу! Литвы от Латвии не отличаю. Что называется, докатился... (*Проходит по*

комнате взад и вперед. С трудом садится за стол.) А вы отличаете – раз! О литовском паспорте не мечтаете – два... А о чем, если не секрет, вы мечтаете?

ЛИТВИН *(недоверчиво)*. Вас это действительно интересует?

ЧИСТОВ *(с энтузиазмом)*. Оч-чень. Иначе почему бы я, спрашивается, э-э-э, спрашивал? Простите, конечно, за тавтологию. Это от волнения.

ЛИТВИН *(в сторону)*. Как-то странно незнакомому человеку рассказывать о своих мечтах...

Из кухни доносится крик лейтенанта: «Труба лопнула! Сейчас перекрою воду».

ЧИСТОВ *(мечтательно)*. Как у Чехова...

ЛИТВИН. В каком смысле?

ЧИСТОВ. Звук лопнувшей трубы...

ЛИТВИН. Нет, у него какой-то другой звук.

ЧИСТОВ. В самом деле? Что ж, и эту информацию мы проверим... Да, я ведь не представился. Это тоже от волнения. От равнодушия, понимаете? Вместо того, чтобы рассказать о себе, – с места в карьер начал расспрашивать вас. Итак, представляюсь... *(Делает попытку встать.)*

ЛИТВИН. Да зачем вы встаете? Вставать-то зачем?

ЧИСТОВ. Нет уж, позвольте, я, это самое... Уж я... С каждым годом всё труднее вылезать из-за стола. Особенно при моем весе... Где тут была моя фуражка?

ЛИТВИН. Зачем вам еще фуражка?

ЧИСТОВ. Чтобы отдать, как говорится, честь. К пустой голове потому что руку не прикладывают... А, растяпа, я ведь сегодня не при форме – какая фуражка? И смех, и грех! Представляюсь по-простому, без фуражки. Майор, как говорится, Чистов.

ЛИТВИН. Конспиративное имя?

ЧИСТОВ. Вот все так думают! Ну, абсолютно все... А я действительно майор и, более того, действительно Чистов.

ЛИТВИН. Красивое словосочетание.

ЧИСТОВ (*потупясь*). Отдел убийств, прошу любить и жаловать.

ЛИТВИН. Не понимаю, как Отдел убийств могут интересоваться мои мечты.

ЧИСТОВ. Ну, если это, скажем, мечты об убийстве, то очень даже могут.

ЛИТВИН. Вы думаете, что можно мечтать об убийстве?

ЧИСТОВ. Сколько угодно! Можно мечтать даже, э-э-э, о братоубийстве. И это, простите, не исключение, а суровая реальность жизни. Каин убивает Авеля. О том, что он мечтал и готовился, свидетельствует его ответ на вопрос Бога – видно, что он заготовлен заранее. Точнее, э-э-э, неответ на невопрос.

ЛИТВИН. Вы считаете, что я убил своего брата?

ЧИСТОВ (*скромно*). Я пока ничего не считаю, просто собираю факты.

ЛИТВИН. Факты... (*Разводит руками.*) А зачем же тогда вы спрашиваете меня о мечте?

ЧИСТОВ. Мечта – это тоже факт. Где-то я прочитал, что она, если угодно, – начало действия. Всякое событие должно быть описано во всех своих фазах, с максимальным количеством деталей. Волшебный бог деталей, как сказал поэт... Только тогда мы сможем понять, что произошло. Вот я заметил, что вас как-то по-особому задел вопрос о мечте. Задайте его мне. Задайте, не стесняйтесь!

ЛИТВИН (*делая одолжение*). Майор Чистов, есть ли у вас мечта?

ЧИСТОВ. Неубедительно. Никто не поверит, что вы действительно интересуетесь моей мечтой. Можно ведь спросить совсем иначе: майор Чистов (*выдох*), а есть ли у вас (*пауза, взгляд на деревья за окном*) мечта? И тогда я вам со всей искренностью отвечу: есть, Григорий Максимович, есть – как же не быть! А состоит она в том, что мечтаю я, выйдя на пенсию, купить домик на балтийском берегу – в дюнах, по слову другого поэта, отобранных у чухны. Всецело в пределах РФ, где имеются те же красоты, что и на территории вышеуказанных стран: живописно выступающие из лесной глубины скалы, сосны и уже упомянутые дюны. Можно также сообщить о прогулках у самого прибоя (которого там, собственно, нет): на влажном песке следы идущего мгновенно заполняются водой. В дальнейшем эти следы накрывает набежавшая волна, отчего движение там в целом протекает бесследно. Как видите, несколько скупых деталей делают мой рассказ о мечте зримым, где-то даже 3D. Надеюсь,

Григорий Максимович, что и ваш рассказ о мечте будет соответствующим. Прошу вас подготовить его к нашей будущей встрече... Но вернемся к сухим цифрам. Как видите, наше продвижение проходит, э-э-э, очень медленно. Год рождения?

ЛИТВИН. 1985-й.

ЧИСТОВ. Место рождения?

ЛИТВИН. Сочи.

ЧИСТОВ. Как говорится, знал бы прикуп – жил бы в Сочи... Теперь по вашему брату-близнецу. Как его звали?

ЛИТВИН (*хмуро*). Георгий Максимович Литвин.

ЧИСТОВ. Формальный вопрос, но я обязан его задать: год рождения – тоже 1985-й, место рождения – Сочи?

ЛИТВИН (*сгорбившись и как бы потеряв в размерах*). Нет, 1987-й, Туапсе. Наша мама по происхождению туапсинка.

ЧИСТОВ (*растерянно*). Туапсинка? Как – туапсинка? Простите, я, э-э-э, не то спросил. Я правильно понимаю: вы – близнецы?

ЛИТВИН. Да, вы понимаете правильно.

ЧИСТОВ. Тогда как же вы, Григорий Максимович, могли с ним родиться в разных городах и в разные годы? У одной и той же туапсинки.

ЛИТВИН (*в легком замешательстве*). Я и сам чувствую здесь некоторое противоречие, но, в отличие от вас, не выпускаю воздух сквозь сомкнутые губы. И не закатываю глаза. Даже самые невероятные вещи

находят в конце концов простое объяснение.

ЧИСТОВ. Как вы объясните, что между вами и вашим братом-близнецом два года разницы? И почему именно два?

ЛИТВИН (*рассеянно*). Знаете, не всё можно сразу объяснить... И не всё объяснять нужно. Должна быть сфера необъяснимого: в жизни ведь не бывает всё по правилам. Собственно, хорошие правила немыслимы без исключений. Да, между нами, близнецами, два года разницы... Может быть, так было только какое-то время: думаю, что потом положение как-то выровнялось. В детстве я вообще воспринимал его как младшего. (*Достает из кармана конфету, с хрустом ее разворачивает и кладет в рот.*) Заботился о нем, понимаете? Не давал его, допустим, во дворе в обиду – в детстве я был покрепче его. Гошу потому и не трогали, хотя был он – ну, что говорить – слабак. Дать вам, может быть, конфету?

ЧИСТОВ. Нет, спасибо.

ЛИТВИН (*дожевывая конфету*). Или взять тот же футбол... Вот мы играем: он или по мячу промахнется, или ударит так, что лучше бы уж, честное слово, промахнулся. Никто ему даже пасов не давал – только я и давал. Чтобы как-то, ну, раскрепостить его, что ли. От этого он, правда, еще больше закрепощался. Еще меньше по мячу попадал. Что еще могу вспомнить? Отряхивал я его постоянно – он ведь, если поест чего, весь был в крошках. Ну, просто вот весь: рот, подбородок, рубашка. Иначе говоря, по своему

развитию я был года на два его старше, что в конце концов не могло не отразиться в паспорте.

ЧИСТОВ. Меня интересует, где и когда возникли разные паспортные данные. Кем из вас они были изменены?

ЛИТВИН. А почему вас не интересует, кто позвонил в полицию с информацией о трупe??

ЧИСТОВ. Говорите лучше: тело. Ведь еще утром оно было живым.

ЛИТВИН. Хорошо, тело. Вы что, знаете, кто насчет тела позвонил в полицию? Почему вы об этом не спрашиваете?

ЧИСТОВ. Ну, здесь всё настолько очевидно, что не о чем и спрашивать. Конечно, Галина, ваша жена.

ЛИТВИН. Правильно, Галина. А то у меня сложилось впечатление, что вы абсолютно ничего не знаете. Что вы – *tabula rasa*, даже хуже.

ЧИСТОВ. Я бы не разбрасывался такими словами. У меня есть опыт, и опыт решает всё. Увидев вас, я сразу понял, кто позвонил в полицию. У вас, простите, всё на лице написано.

ЛИТВИН. Что именно?

ЧИСТОВ. Что у вас в прихожей – мертвое тело. Что Галина звонила в полицию.

ЛИТВИН. А кто убил – не написано?

ЧИСТОВ. Нет. Поэтому мы и будем это выяснять. Отсюда наш традиционный вопрос: где вы были сегодня с 12:00 до 13:00?

ЛИТВИН. А на этот вопрос я отвечу в присутствии

адвоката.

ЧИСТОВ. Вот так! Понятно. (*Поколебавшись.*) У меня еще один вопрос... Если не хотите, можете не отвечать. Тело мы, как вы знаете, нашли: с ним особых загадок нет. Мы не нашли души покойного. Вы ее случайно не видели?

ЛИТВИН. А вы хотите ее допросить?

ЧИСТОВ. Мелькнуло такое желание. Эта душа, я думаю, многое могла бы нам рассказать. Так – видели? Или это тоже – в присутствии адвоката?

ЛИТВИН. Нет, не видел. То есть, видел, конечно, но до смерти; скорее, даже чувствовал. А потом – уже нет.

ЧИСТОВ. Вот так всегда. После смерти – никто ничего... Будем искать.

ЛИТВИН. Душу?

ЧИСТОВ. Именно.

ЛИТВИН. Желаю успеха.

Майор смотрел, как санитары кладут мертвеца в цинковый контейнер. С глухим звуком коснулась металла голова. Произнесли по бумажке имя: Георгий Максимович Литвин, правильно? Григорий кивнул.

Принадлежат ли мертвым их имена? Вот так, в серьезно понятом смысле – принадлежат ли? Можно предполагать, что – да, хотя обычно мертвые на свои имена не откликаются. Не откликнулся и Георгий.

– Вероятно, это как-то связано с отсутствием души, – как бы про себя произнес майор Чистов. – Точнее, с ее уходом,

потому что имя остается за ней.

Майор часто произносил что-то как бы про себя. Так читают заключенное в скобки – тихим голосом и без выражения. Вот, кстати, о чем я должен рассказать Лере, когда она в очередной раз спросит меня, откуда повествователю известны мысли героя. Расскажу и о том, что по окончании рабочего дня из стола Чистова извлекался напиток, способствовавший изложению самых сокровенных мыслей. Такое объяснение ей должно понравиться. Голос героя в такие минуты уже не был тих, и лицо его оживлялось. На самом же деле повествователь по должности своей обязан знать мысли героя – и это исчерпывающее объяснение. Так говорю я, автор этих строк.

В один из таких вечеров я узнал, например, что Чистов отучился два курса в театральном институте. И тогда мне стало ясно, почему, беседуя с подозреваемыми, он порой так театрален. Когда он был в ударе, то мог заплести мозги любому, даже нейрофизиологу. Сам майор называл это *пробить клиента на искренность*. И я видел, что ему это удавалось.

Когда санитары, пританцовывая от напряжения, выносили тело Георгия из дома, тишину нарушил Григорий. Вернувшись на свое место под вешалкой, он медленно сказал: – Сегодня брат мой переступил порог этой квартиры в последний раз.

Майор Чистов, лейтенант и криминалист с этим молча согласились. Замерли даже.

Согласились они и тогда, когда Григорий предложил им кофе. Близнец хлопнул в ладоши, и на этот звук – весь внимание – явился Бармалеев. Последовало лаконичное распоряжение о трех кофе. Полны любопытства, сотрудники полиции прошли за Бармалеевым на кухню. Приблизившись к кофемашине, руками-манипуляторами робот задал нужные команды. Готовый кофе – плюс сахар и сливки – он поставил на поднос и понес в гостиную.

Когда Бармалеев удалился (в его присутствии это было бы бестактностью), Чистов начал задавать о нем вопросы личного характера – если, конечно, его, Бармалеева, можно считать личностью. Выяснилось, что, работая над искусственным интеллектом, Григорий решил придать своему детищу человеческий образ. Разумеется, ИИ мог быть выполнен как полная имитация человеческого тела, но только имитация ведь никогда не бывает полной. Она всегда бывает *почти*, и вот это *почти* отвратительней любой, самой очевидной подделки.

Иван Иванович Бармалеев оказался в итоге похож на человека, но тем странным образом, каким похожи на людей кубические герои Пикассо. Творение Григория состояло из прямых и острых углов, но их совокупность давала неожиданную гармонию. Голова Иван Ивановича – симпатичный параллелепипед. Имеются два глаза (использованы цейсовские линзы), две четырехпалые руки. Зато на каждой ноге всё уже по-человечески: пять пальцев, напоминающих то ли ступ-

ни скелета, то ли инструмент для сгребания листьев. Длина ступней (30–40 см) служит большей устойчивости машины. Вот такой, если вкратце, портрет робота Иван Ивановича.

Сейчас подумал: странным образом с течением времени всё меньше в литературных произведениях становится портретов. Портретов и, пожалуй, пейзажей, отражающих психологическое состояние героев. Прохладу это беспокоит, а меня нет. И если бы речь шла не о роботе, неизвестно, стали бы я вообще замораживаться портретом. Правда, читая эти строки, Филипп Семенович сказал их автору, что это не портрет, а техническое описание. А хоть бы и так – главное, чтобы читатель представил, как выглядел Иван Иванович.

Стоит заметить, что Григорий Литвин был не чужд живописи. Это выяснилось, когда майор поинтересовался у него, чьи это картины висят в квартире. Оказалось – его, Григория. В основном это были пейзажи и натюрморты, но пару раз мелькнули и портреты, отчего, собственно, я о них и вспомнил. О том, что художник пробует себя в разных жанрах, свидетельствовала картина «Вечер на рейде». Живописец сообщил, что подробнее с его творчеством можно ознакомиться в галерее «Цикада», и продиктовал ее адрес.

Но вернемся в квартиру на Бармалеевой. Общей территорией там служит гостиная. Григорий и его жена Галина занимают спальню и кабинет Григория. Георгий живет в кабинете Галины.

Жил.

Трудно в рассказе об умершем переходить на прошедшее время – даже если никогда не видел его живым. Утешает то, что, в сущности, не такое уж это плохое время и обозначает оно не только минувшее. Только минувшее – это про Георгия. Время покойных – прошедшее, потому что ни настоящего, ни будущего у них нет. У Григория же и Галины...

Вот именно – Галина! А подать сюда Галину Литвину! Сказано было громко, но как бы самому себе, будто следующий, что ли, пункт плана. Лейтенант, отнеся этот призыв майора к себе (больше было не к кому), ответил, что это не представляется возможным, поскольку Галина Петровна – в больнице. Мертвый родственник, пусть и не муж, – тягостное зрелище. В результате – сердечный приступ... Лейтенант развел руками (ох, как же это непросто – писать о себе в третьем лице!).

Не удержусь: дам еще его портрет. Не из тщеславия – просто, чтобы не говорили потом, что пренебрегаю портретами. Лейтенант был молод – на вид года двадцать два – двадцать три. Знаю, конечно, что двадцать два, но поскольку пишу, что *на вид*, обозначаю естественную приблизительность. В отличие от майора – в форме (фуражку с кокардой повесил в прихожей), в отличие от майора же – строен и подтянут. Гладко выбрит. Под форменным кителем как бы невзначай перекачиваются бицепсы. Глаза отражают пытливый ум. Ну, как-то так...

Показывал этот портрет майору как своему непосред-

ственному начальнику. Перед словом *отражают* он поставил *иногда*. Я хотел было уточнить, что они отражают в остальное время, но Чистов строго на меня посмотрел. Написал: *исправленному верить*, поставил число и расписался.

Майор попросил разрешения осмотреть вещи покойного. Разрешение, подобно звучавшим ранее комментариям, пришло из-под вешалки. Чистов понял, что это место Григорий считает своим и покидать его не намерен. Что ж, каждый вправе выбирать себе *локацию*... Майор мысленно повторил это слово еще раз. Затем еще. Оно возникло уже на его памяти, и запомнить его было непросто. Он – запомнил. Стал употреблять, потому что без *локации* в нынешней обстановке – ни туда и ни сюда.

В последние годы в общем употреблении возникли и другие слова. Например, *постколониальный синдром* и *травма*. Если первое в повседневной жизни трудно для чего-то приспособить, то второе разлетается, как горячие пирожки. Это сразу же понял Прохлада. Сказал мне: пиши о травме – не прогадаешь. Она, милая, тебя прокормит. Слово это, известное и прежде, употреблялось довольно умеренно. Недавно выяснилось, однако, что травма определяет едва ли не всё происходящее на свете. Потому что у каждого есть своя травма, и здесь ничего не попишешь.

Это слово замелькало на судебных процессах и в исторических трудах. Однажды Чистов встретил его в интервью Хиллари Клинтон. Она рассказала о том, как ругались ба-

бушка и мама ее тогда еще не мужа Билла. Эта ругань была бесконечной и беззаветной, была, как сказали бы, сидя на корточках, продавцы из магазина внизу, двадцать четыре на семь. Она прошла сквозь всё Биллово детство, стала *травмой* будущего американского президента и впоследствии послужила причиной инцидента с Моникой Левински. Так считает Хиллари Клинтон, которой об этом сообщили ученые. У майора Чистова были на сей счет другие соображения, делиться которыми он постеснялся. С наукой, как говорится, не поспоришь...

Что интересно. Майор рассказывал это в присутствии лейтенанта Валерии. Она же – представьте себе! – громко смеялась... Подчеркиваю: громко! На мой взгляд, Валерия должна была едва заметно улыбнуться – знаем, мол, и об этой стороне жизни, но в детали, исходя из правил приличия, не вникаем. У нас, мол, другие интересы. Серьезные. Читаем Сартра, иногда – Мамина-Сибиряка. Но нет: смеялась – так, как может смеяться только человек, знакомый с материалом не понаслышке. Что мне теперь думать о Валерии? Лере...

Свои разыскания майор Чистов начал с комнаты покойного. Который, по проницательному замечанию Григория Литвина, никогда уже не переступит этот порог. Если разобраться, то переступал он его не такое уж длительное время. Установлено, что, приехав из Сочи, Георгий прожил в квартире брата и его жены три с небольшим месяца.

Чистов мысленно бежит к входной двери, открывает ее,

выходит и снова входит.

Вот, Литвин заносит ногу над порогом...

Думает ли он, что такого рода движение – последнее?

Из-под висящих на вешалке плащей и курток за майором печально наблюдал Григорий. Получается, что майор бежал к входной двери не в своей фантазии, а наяву. Как неприятно... Чистов знаком поблагодарил Литвина за понимание и вернулся в комнату Георгия. Важно всё изначально видеть в деталях, потому-то майор Чистов не жалел ни времени, ни сил, чтобы проникнуть в изучаемый им мир.

Беглый осмотр вещей покойного ничего не дал. Безрезультатным оказалось и выборочное пролистывание его книг. Зато, когда Григорий отлучился в туалет, среди плащей майор заметил полотняную сумку. В ней лежали ноутбук и два съемных диска. Находка была немедленно перенесена в гостиную и подвергнута предварительному изучению. Перед глазами Чистова возникли текстовые и какие-то другие файлы – какие именно, непонятно.

Вернувшийся Григорий бросил на ноутбук печальный взгляд. Получается, что его гардеробное сидение было связано с ноутом. Что он разместил компьютерную технику поближе к выходу, чтобы ее незаметно вынести. Майор посмотрел на него испытующе.

А может, и не размещал... Висела, может, сумка со вчерашнего дня, оставленная Георгием. То есть, Григорием. Нет, все-таки Георгием.

Дойдя было до дверей, Чистов вернулся. Написал Литвину расписку об изъятии компьютера и дисков. Положил их в сумку, готовясь взять с собой. В этот момент майору показалось, что по лицу живого близнеца пробежала тень неудовольствия. Разумеется, она не могла сравниться с выражением лица покойного, но взгляд был явно небратский.

Так и есть: Литвин против изъятия ноутбука. Майор объяснил, что речь идет о своего рода вещдоке, который должен быть изучен полицией. Полиция, в свою очередь, надеется на понимание и обещает всё вернуть. У присутствующих на мгновение создалось впечатление, что Григорий готов отнять у майора ноутбук с применением силы. Это было очевидно всем, и потому лейтенант сделал шаг в направлении Григория. Бросив короткое *пока*, майор беспрепятственно вышел из квартиры.

Лишенный ноутбука остался стоять у распахнутой двери. Раскачивая мизинцем дверную цепочку, наблюдал, как полицейский грузно спускался по лестнице. Шел, точно вбивал сваи. Когда за лестничным пролетом скрылась его макушка, Литвин покачал головой и захлопнул дверь.

Услышав дверной грохот, Чистов остановился. Мягко, будто на кошачьих лапах (полные люди умеют так ходить), поднялся по лестнице, прошел мимо квартиры Литвиных и позвонил в соседнюю дверь.

16 июня, 17:45

Короткое лязганье, звук с трудом поворачиваемого ключа. В дверях возникла дама с пухлыми малиновыми губами. В малиновом же халате – мохнатом, бесформенном, тяжелом. Неожиданно – в солнцезащитных очках при полном отсутствии солнца на лестничной площадке. Возраст? Мешки под глазами?

Корпулентна. С толстыми он чувствовал себя увереннее. Толстый человек менее подвижен, а следовательно – более стабилен. Всё в мире увеличило свою подвижность – всё, кроме людей с избыточным весом. Заостряя, скажу так: вес и ничто другое удерживает толстяков от многих опрометчивых поступков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.